

утверждению В. Катаняна, были давно прерваны. Но как только он попытался перейти к самостоятельной жизни, раздалась привычная команда: "К ноге!" И сокрушительное наказание.

А поскольку он был крупнейшим поэтом эпохи, полагалось и общественная казнь. Маяковский хотел достойно справить 20-летний юбилей творческого пути. И что же? Брики, знакомые со всеми, казалось бы, знаковыми фигурами культуры, "друг" Агранов, приставленный к культуре от Чека, сделали так, что эту дату В. Маяковский встречал в полуизоляции. Ему доказывали, что сам по себе, без поддержки такого окружения, он ноль, несмотря на весь свой талант.

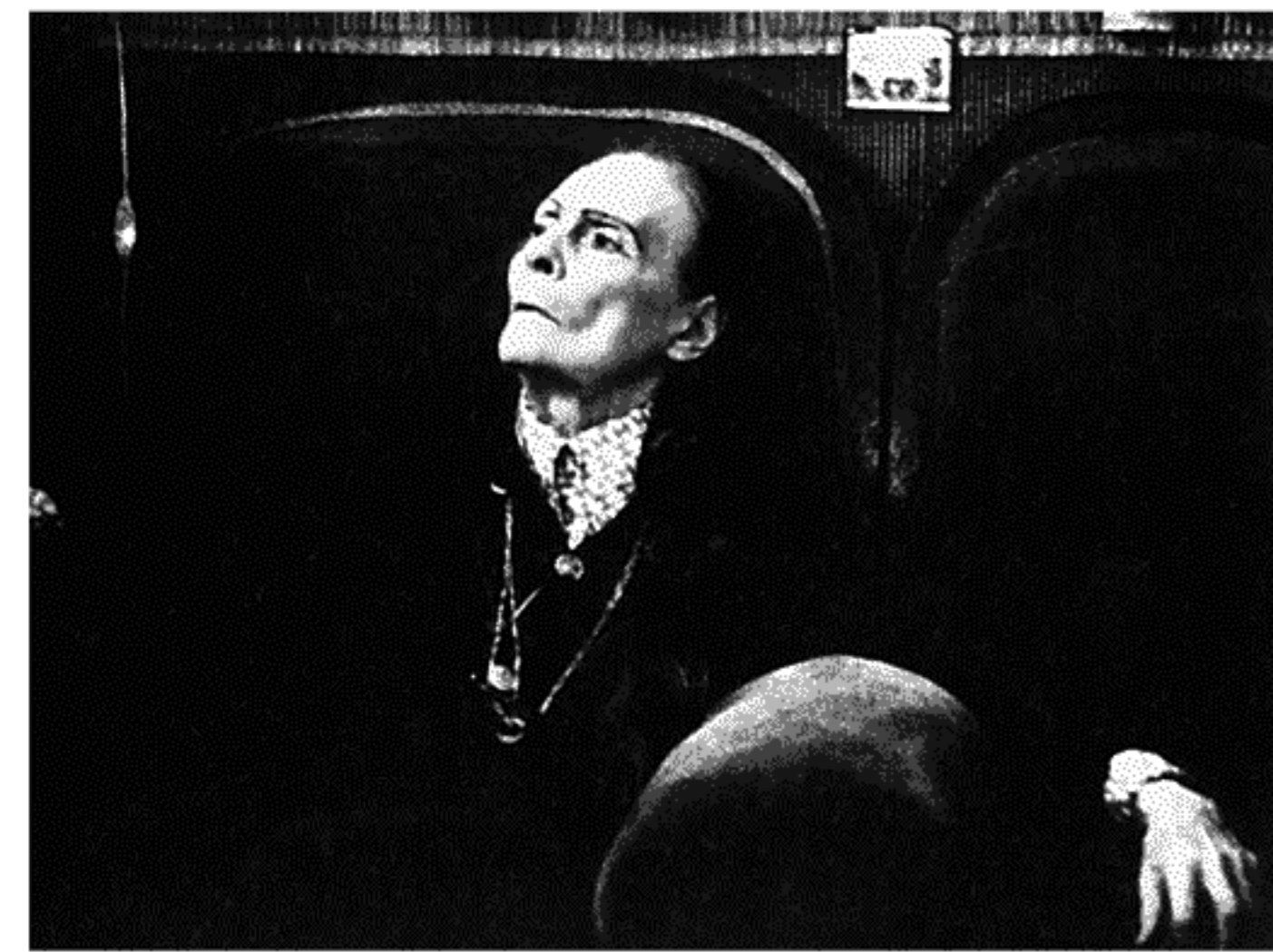
Агранов имел богатый опыт по части командования людьми культуры. И по их истреблению. Яков Саулович Агранов (Сорендзон), второе по значимости лицо в ОГПУ-НКВД, стоял за смертным приговором Николаю Гумилеву, за расстрелом штаба левых эсеров, за уничтожением писателя и ученого Чаянова, которому он инкриминировал "крестьянский уклон", за кровавой ликвидацией Промпартии. От него едва спасли внучку Льва Толстого. Многие говорят о том, что преследование, приведшее к смерти Есенина, тоже было делом его рук. Наконец, весь процесс, связанный с убийством С. Кирова, приведший к широкому репрессиям партийной и культурной элиты, связывается с его ролью. Его участие в смерти Маяковского, последовавшей 14 апреля 1930 года, ощущается почти физически. Но об этом чуть позже. А пока продолжу рассказ о встречах с Татьяной Яковлевой.

Яковлева вскоре после нашей первой беседы ознакомилась с номером "Огонька", где была статья о ней, а я прочитал книгу Иосифа Бродского, которую она мне дала, когда мы прощались. На книге было посвящение — "Фроське от Иоськи". Это был сборник стихов Бродского, изданный в США на двух языках, русском и английском. Через пару дней мы встретились в римском "Гранд Отеле". Татьяна Алексеевна объяснила, что Фрося — ее дочь, которую она "выгодно" выдала замуж за богатого американца. И вот совпадение — портрет в "Огоньке", поданный как портрет Татьяны Яковлевой, на самом деле является фотографией ее Фроси!

Фрося, она же Френсин дю Плесси Грей, время от времени посещает родину своей матери. В одном из интервью она вспоминает, как по совету отца они срочно покинули Париж перед приходом туда гитлеровцев. Она провела интересные исследования истории жизни и взглядов маркиза де Сада. В один из приездов она подарила музею Маяковского черную соболью шляпку, изготовленную Татьяной Яковлевой.

Вторая встреча с Татьяной Яковлевой в Риме была более доброжелательной, без подколов. Я вернул Яковлевой книгу Бродского, и там же, в баре "Гранд Отеля", мы поговорили о стихах Бродского, его дальнейшей судьбе в США. Когда вошел Алекс Либерман и стал торопить ее на новую встречу, Татьяна с некоторым вызовом сказала: "А мне интересно с этими людьми". (Со мной был журналист из "Труда"). Но затем заторопилась, видимо, побаиваясь реакции богатого супруга. Оба они прибыли на вер-

Один из последних снимков Лили Брик.

Дело о смерти Владимира Маяковского хранилось в личном сейфе наркома внутренних дел Ежова. Дела об обычном самоубийстве так не хранят...

нисаж мод Голицыной, чтобы помочь своей хорошей знакомой. Муж был тоже родом из России. Подумывал включиться в бизнес видеотехники, продав свои акции в журнале "Вог".

Не было тогда со стороны Татьяны Алексеевны слов критики в адрес "Огонька", кроме замечания о том, что фотографии ее и дочери были перепутаны: "Но мы с ней очень похожи".

Позже мы не раз говорили о Яковлевой с княгиней (в Италии ее зовут принцессой) Голицыной. Мне доводилось писать о встречах с Голицыной и Яковлевой. Прочитав очерк в газете "Модус вивенди" в конце 1994 года, княгиня позвонила мне в Москву и заключила: "В общем все так и было".

Я постарался описать наши встречи по возможности точно, не приукрашивая, не подгоняя впечатления под чьи-то другие. Я увидел Яковлеву, когда ей было за шестьдесят, когда жизнь по существу сформировала и укрепила в ней убеждения того круга, в котором она вращалась.

Позади остались голодные дни в Пензе, когда она читала стихи уезжающим на фронт красноармейцам, волнения первых лет эмиграции, поиски своего места в жизни, ярчайшая встреча с советским поэтом, потом разлука и роковая весть о его гибели. За этим последовала гибель и ее мужа в боях с фашистами, новая жизнь в окружении богатейших людей мира, дружба с супругами Кеннеди, голливудскими звездами.

Как сложилась бы ее жизнь с Маяковским, если бы не обстоятельства, о которых мы упомянули, можно лишь гадать. Одно несомненно: Татьяна Яковлева вызвала у поэта большое чувство, он посвятил ей поразительные по силе стихи:

*Ты одна мне
ростом ровень,
Стань же рядом
с бровью брови...*

*Ревность,
жены,
слезы...
ну их! —
вспухнут веки,
впору Вию.*

*Я не сам,
А я
ревную
за Советскую Россию.*

И победительная концовка:

*Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем. (1928)*

П ОЭТУ не довелось совершить то, о чем он писал. Трагическая кончина обрушилась на него в расцвете жизненных сил. Конечно, как поэт и человек он был уязвим в своих страстях и метаниях. Противники не думали щадить его. Сколько раз критика уверяла, что он исписался. Ядовитый Зоил тех лет, Давид Тальников издевался над тем, что поэт смотрит на Америку свысока, да еще выдвигает претензии, чтобы его перо приравняли к штыку. Распространялись гнусные слухи о поэте. Корней Чуковский даже заставил Горького поверить, будто Маяковский заразил одну девушку венерической болезнью и хотел шантажировать (?) ее родителей. (Об этом говорится и в сборнике В. Катаняна). После смерти поэта медицинские эксперты сделали вскрытие и исследование, которые опровергли гнусную выдумку, будто Маяковский из-за этой, несуществующей болезни покончил с собой. Было доказано, что поэт был абсолютно здоров. Но клеветники не раз вытаскивали грязный поклеп и после этого. Очень здорово (и очень долго) мешал кому-то непокорный, вольный и убежденный в своих взглядах Владимир Владимирович. Даже в наши дни один горе-критик утверждал, будто этот любивший жизнь человек был садистом, жаждавшим убивать детей.

Все эти страсти вокруг Маяковского заставляют приглядеться пристальнее к обстоятельствам его смерти. Его сатирические пьесы "Клоп" и "Баня" разили наповал Главначпупсов и Баб-эль-Мандебских, которые навязывались в культуртрегеры к "клопам", "новым русским" периода НЭП'а, желавшим породниться с капиталом. Было известно о его намерении вслед за поэмой "Хорошо" написать поэму "Плохо".

Ряд исследователей стремятся выяснить, не была ли смерть Владимира Маяковского наведенным самоубийством, когда человека ставят на ту грань, за которой ему предпочтительней кончина, нежели мучительное существование. Другие задаются вопросом, не было ли это вообще убийством. Эти версии подробно разбираю до самой своей смерти Валентин Скорятин в книге "Тайна гибели Владимира Маяковского" (М. 1998). Он обращал внимание, что вскрытие выявило непонятную траекторию пули, поразившей сердце. Вслед за этим она попала в почку. Это могло случиться, если кто-то из дверей стрелял в поэта, сразу, когда ушла Полонская, его последняя пассия, а Маяковский стоял перед ней на коленях.

Другой странностью было то, что дело о смерти поэта хранилось не где-нибудь, а в личном сейфе Н. Ежова, руководителя НКВД. Сам Ежов погиб в той же машине репрессий, которой руководил. К тому времени был расстрелян и Я. Агранов, сыгравший заметную роль в последних днях и

часах Маяковского и лично ведший дело о смерти Маяковского. Особенно странным было то, что указанное в этом деле оружие было подменено. Вместо браунинга поэта в сейфе как орудие смерти хранился маузер, с совершенно иным номером.

Объяснений этим фактам и сейчас, по истечении многих лет после гибели поэта, не найдено. Но такого рода поиски лежат за пределами данного очерка, который имел лишь целью вспомнить обстоятельства личной драмы, разыгравшейся (и разыгранной) в жизни Маяковского незадолго до его кончины.

Как бы ни относиться к его поэзии и творчеству, талантом поэта была окрашена целая историческая эпоха. И не приходится сомневаться — то, что написано Маяковским, будет звучать в новом тысячелетии, о приходе которого он так мечтал, полагая, что в нем не окажется места для "клопов" и "начпупсов", которые, увы, заселили этот мир сверх меры...

Лоллий ЗАМОЙСКИЙ